

Видные переводчики и особенности их деятельности

Художественный перевод

- Художественный перевод – вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом.
- Если переводчик в процессе своей работы преследует определенную цель, то он в некоторой степени может способствовать искажению первоначального прагматического замысла оригинала.

- Чаще всего переводчик прибегает к методам объясняющего перевода, когда упрощаются или пересказываются все те места подлинника, которые, по мнению переводчика, могли бы при буквальной передаче показаться читателю неясными или непонятными;
- сглаживающего перевода, когда переводчик обходит встречающиеся в оригинале смысловые и стилистические трудности;
- и украшающего перевода, когда переводчик, стремясь к наибольшему «художественному эффекту» и руководясь своими субъективными и классовыми симпатиями, «улучшает» подлинник.

Корней Иванович Чуковский (1882-1969)

- Настоящее имя - Николай Васильевич Корнейчуков. Как переводчик Чуковский открыл для русского читателя Уитмена, Киплинга, Уайльда. Переводил Твена, Честертона, О.Генри, Дойла, Шекспира, написал для детей пересказы произведений Дефо, Распэ, Гринвуда. Одновременно занимался теорией перевода, создал одну из самых авторитетных в этой области книг – «Высокое искусство» (1968), тем самым, внося колоссальный вклад в развитие науки переводоведения.

К. Чуковский,
«Высокое искусство»

Отрывки из книги

Неточная точность

- Буквальный перевод никогда не может быть переводом художественным. Точная, буквальная копия того или иного произведения поэзии есть самый неточный, самый лживый из всех переводов.
- Взять хотя бы русский язык и — узбекский. Здесь сплошь и рядом случается, что на том и другом языке значение слов одинаковое, а стилистическая окраска их разная.
- В русском языке слово **печень** ощущается как слово невысокого ранга. С ним у нас связана пренебрежительная форма печенка: «Ты у меня в печенках сидишь», «Не ори, печенка лопнет». Поэтому, когда изысканнейший узбекский поэт говорит, обращаясь к возлюбленной:
- О долго ль будешь красотой ты ранить **печень** мне?
- О долго ль вздохами любви тушить все свечи мне?

- Здесь дословная точность является абсолютной неточностью, потому что узбек воспринимает печень совершенно иначе, чем русский, и таким образом знак равенства между этими словами поставить нельзя.
- Или слово **попугай**. В нашем языке это слово презрительное: «болтаешь, как попугай», «попугайничаешь», а в узбекской поэзии — это каноническое любовное обращение к девушке. Там постоянно: «**ты — мой обожаемый попугай**», «я готов умереть за один твой взгляд, **о жестокий ко мне попугай**», так что в данном случае дословный перевод уже потому не будет точным, что то слово, которое в атмосфере одного языка вызывает умиление и нежность, в атмосфере другого — презрительное фыркание, насмешку.

Стиль

- Сам по себе богатый словарь есть ничто, если он не подчинен стилю переводимого текста.
- Искусство переводчика в значительной мере заключается в том, чтобы, руководствуясь живым ощущением стиля, из разнохарактерных и многообразных синонимов, распределенных по группам, выбрать именно тот, который в подлиннике наиболее соответствует синониму, входящему в такую же группу.
- Было бы нелепо переводить буква в букву английскую поговорку «Нет песни — нет и ужина», когда по-русски та же мысль выражается формулой, более привычной для нашего уха: «Под лежащий камень вода не течет».

Слух переводчика. Ритмика. Звукопись

- Прежде чем взяться за перевод какого-нибудь иностранного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, ритмику.
- Художественная проза гораздо чаще, чем принято думать, стремится к кадансу, к ритмической последовательности голосовых подъемов и падений, к аллитерации и внутренним рифмам.

- «Их мебель была новая, все их друзья были новые, вся прислуга была новая, их серебро было новое, их карета была новая, их сбруя была новая, их лошади были новые, их картины были новые, они сами были новые».
- «Вся их мебель, все их друзья, вся их прислуга, их серебро, их карета и сами они были с иголочки новыми».

Синтаксис. Интонация

- Воспроизводить иностранный синтаксис во всех его специфических особенностях, конечно, нельзя.
- Точные копии иноязычной фразеологии немислимы, так как у каждого языка есть свой собственный синтаксис.
- Перевод может почитаться хорошим, если, читая его, мы забываем подлинник, и нам кажется, что подлинник написан на нашем родном языке.

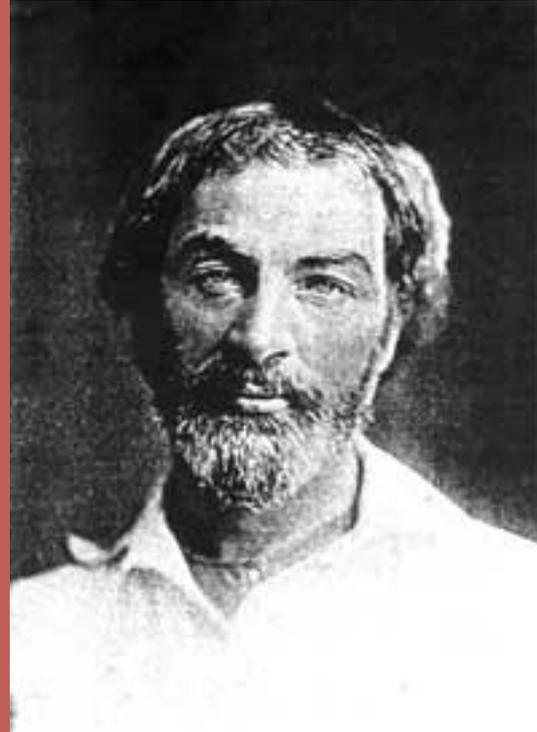

- «Она, со своей стройной талией молодой девушки, слушала его СТИХИ».
- «Он в ужасном состоянии любви»
(in the horrible state of love)

Переводы Уолта Уитмена

- Уолт Уитмен (1819-1892) - поэт-революционер, является легендарной фигурой в американской литературе. Считается, что поэзия Уитмена перевернула существовавшие ранее представления о "поэтичном" и "непоэтичном", так как являет собой новую форму «свободного стиха»

К. Чуковский о переводах произведений Уолта Уитмена

Перевод – это автопортрет переводчика

- Отражение личности писателя в языке его произведений и называется его индивидуальным стилем, присущим ему одному. Потому-то я и говорю, что, исказив его стиль, мы тем самым исказим его лицо. Если при помощи своего перевода мы навяжем ему свой собственный стиль, мы превратим его автопортрет в автопортрет переводчика.

...Даже не зная этих переводов, всякий заранее мог предсказать, что творческое лицо Уолта Уитмена будет в них искажено самым предательским образом, так как в мире, кажется, не было другого писателя, более далекого от него, чем Бальмонт.

...Ведь Уолт Уитмен в своем творчестве всю жизнь боролся с кудрявой риторикой, с напыщенной «музыкой слов», с внешней красотостью; он задолго до появления Бальмонта объявил себя кровным врагом тех поэтических качеств, которые составляют основу бальмонтовщины.

- Ни за что, например, не позволяет Бальмонт Уолту Уитмену говорить обыкновенным языком и упорно заменяет его простые слова архаическими, церковнославянскими.
- Уитмен говорит, например, *грудь*. Бальмонт переводит *лоно*.
- Уитмен говорит *флаг*. Бальмонт переводит *стяг*.
- Уитмен говорит *поднимаю*. Бальмонт переводит *подъемлю*

- Уитмен восхищается сиренью, образ которой играет в его поэзии немалую роль. По-английски сирень — lilac (лайлак), переводчик же принял лайлак за лилию и создал неведомый в ботанике вид: лилия, растущая диким кустарником.
- Тут, повторяю, важна именно система отклонений от оригинального текста: не одна ошибка и не две, а целая группа ошибок, производящих в уме у читателя один и тот же сокрушительный эффект: искажение творческой личности переводимого автора.

У. Уитмен, «The Dalliance of the Eagles»

- опубликовано в 1880 году, состоит из 10 строк, образующих одно предложение.

- **The Dalliance of the Eagles**

**Skirting the river road (my forenoon walk, my rest,)
Skyward in air a sudden muffled sound, the dalliance of the eagles,
The rushing amorous contact high in space together,
The clinching interlocking claws, a living, fierce, gyrating wheel,
Four beating wings, two beaks, a swirling mass tight grappling,
In tumbling turning clustering loops, a straight downward falling,
Till o'er the river pois'd, the twain yet one, a moment's lull,
A motionless still balance in the air, then parting, talons loosing,
Upward again, on slow-firm pinions slanting, their separate diverse
flight,
She hers, he his, pursuing.**

К. Чуковский:

- Как обычно, Уитмен здесь не использует enjambement (перенос): каждая строка представляет собой одну или несколько законченных фраз. После двухстрочного вступления с броскими созвучиями начальных слов автор в четырех последующих строках развертывает ряд образов, оперируя фактически одними лишь прилагательными и существительными. Кульминация - строки 7 и 8, расставание птиц - строки 9 и 10. Заключительная строчка значительно короче остальных и вполне передает ощущение финала.

Перевод К. Чуковского:

Любовная ласка орлов

Иду над рекою по краю дороги (моя утренняя прогулка, мой
отдых),

Вдруг в воздухе, в небе, сдавленный клеткот орлов,
Бурная любовная схватка вверху, на просторе,
Сцепленные, сжатые когти, живое бешеное колесо,
Бьющих четыре крыла, два клюва, тугое сцепление
кружащейся массы,

Кувыркание, бросание, увертки, петли, прямое падение
вниз,

Над рекою повисли, двое - одно, в оцепенении истомы,
Висят в равновесии недвижимом, - и вот расстаются, и когти
ослабли,

И в небо вздымаются вкось на медленно-мощных крылах,
Он своим,
и она своим
раздельным путем.

- Вместо уитменовской сверхкраткой финальной строки Чуковский вводит неожиданную разбивку «лесенкой», которая по-своему эффектно завершает текст. Вместо ямбического метра переводчик главным образом прибегает к трехсложному.
- Звучание перевода не менее гармонично и красочно; отметим созвучия «рекою... краю» в строке 1-й или «крыла, два клюва» в строке 2-й.

Перевод К. Бальмонта:

Ласка орлов

Идя вдоль реки по дороге (это утром мой отдых, прогулка),
Я в воздухе, там ближе к небу, заглушенный услышал звук;
Внезапная ласка орлов, любовная схватка в пространстве,
Сплетение вместе высоко, сомкнутые сжатые когти,
Вращение, бешенство, ярость живого вверху колеса,
Четыре могучих крыла, два клюва, сцепление массы,
Верченье, круженье комка, разрывы его и увертки,
Прямое падение вниз, покуда, застыв над рекою,
Два вместе не стали одно, в блаженном мгновенье затишья,
Вот, в воздухе медлят они в недвижимом еще равновесии,
Разлука, и втянуты когти, и вот они, медленно, снова
На крепких и верных крылах, вкось, в разном отдельном
полете,
Летят, он своею дорогой, своею дорогой она.

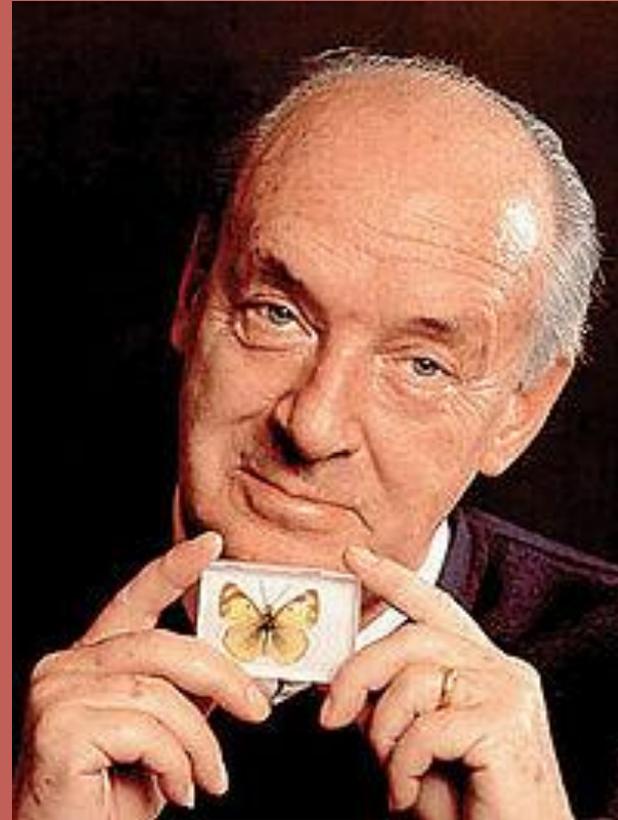

- Заключительная строка, с повтором двух слов сразу, создает ощущение завершенности, но не столь внятно, как уитменовская отрывистая концовка. У Бальмонта, как и у Чуковского, процент личных глаголов выше, чем в оригинале, особенно во второй строке, где он ввел «я» - повествователя, противного самому духу этого стихотворения.
- Несмотря на все вышесказанное, в некоторых отношениях Чуковский, похоже, следует за Бальмонтом. Оба переводчика преобразуют изначальный ямб в трехсложник, и кое-что в тексте Чуковского перекликается с Бальмонтом. Да и заглавие Чуковский у него заимствует, только с добавлением прилагательного, что усиливает буквальность и ослабляет эффект восприятия. Однако в отличие от Бальмонта, нигде на протяжении всего текста он это заглавие не повторяет. Местами вариант Бальмонта как будто ближе к подлиннику: «в ... мгновеньи затишья» точнее передает «a moment's lull», чем «в оцепенении истомы» у Чуковского. И даже если по некотором размышлении перевод Чуковского, сохраняющий структуру оригинала, видится более адекватным, Бальмонт во многих отношениях ему не уступает.

Владимир Владимирович Набоков (1899-1977)

- Переводческая деятельность Владимира Владимировича Набокова (1899-1977) уникальна в том плане, что он переводил не только европейскую литературу на русский язык, Запад также обязан ему переводами на английский (отчасти и на французский, которым автор тоже владел в совершенстве) Пушкина, Лермонтова, Тютчева; также он переводил собственные произведения

- О том, как должно переводить, Набоков задумывался неоднократно на протяжении всей своей творческой жизни, причем его взгляды претерпевали с годами существенные изменения. Созданные в Америке, куда он эмигрировал в 1940 г, переводы с русского языка выполнены в совершенно новой манере. К этому времени писатель приходит к убеждению, что литературное произведение (как прозаическое, так и поэтическое) следует переводить только "буквально" - при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонации текста оригинала.

- Большим событием в англоязычной пушкиниане стало появление перевода В. Набокова с двухтомным комментарием к "Евгению Онегину" (1964).
- Новая набоковская концепция - "Буквальный перевод: передача точного контекстуального значения оригинала, столь близко, сколь это позволяют сделать ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод можно считать истинным". Поэтому роман в стихах был переведен прозой, ради сохранения смысловой точности пришлось пожертвовать строфой, рифмой и отчасти ритмом.

В. Набоков, «Искусство перевода»

Отрывки из книги:

- В причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло - очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость - и вполне прощительная.
- Следующий шаг в ад делает переводчик, сознательно пропускающий те слова и абзацы, в смысл которых он не потрудился вникнуть или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю.
- Третье - и самое большое - зло в цепи грехопадений настигает переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей.

- Недостаточное знание иностранного языка может превратить самую расхожую фразу в блистательную тираду, о которой и не помышлял автор. <...>

В переводе Чехова на немецкий язык учитель, едва войдя в класс, погружается в чтение "своей газеты", что дало повод величавому критику сокрушаться о плачевном состоянии школьного обучения в дореволюционной России. На самом-то деле Чехов имел в виду обыкновенный классный журнал, в котором учитель отмечал отсутствующих учеников и ставил отметки. И наоборот, невинные английские выражения "first night" и "public house" превращаются в русском переводе в "первую брачную ночь" и "публичный дом".

- Другой и гораздо более серьезный грех, когда опускаются сложные абзацы, все же простителен, если переводчик и сам не знает, о чем идет речь, но до чего же отвратителен самодовольный переводчик, который прекрасно их понял, но опасается озадачить тупицу или покоробить святошу.

Самый трогательный образчик викторианского ханжества попался мне в старом английском переводе "Анны Карениной". Вронский спрашивает Анну, что с ней. "Я *beremenna*" (курсив переводчика), - отвечает Анна, предоставляя иностранному читателю гадать, что за таинственная восточная болезнь поразила ее, а все потому, что, по мнению переводчика, беременность могла смутить иную невинную душу и лучше было написать русское слово латинскими буквами.

Yah pom-new chewed-no-yaу mg-no-vain-yaу

- Я столкнулся с немалыми сложностями в переводе первой строки одного из величайших стихотворений Пушкина "Я помню чудное мгновенье..."
- Мелодия этой строки с округлым и полнозвучным словом "чудное" в середине и звуками "м" и "н" по бокам, уравновешивающими друг друга, - умиротворяет и ласкает слух, создавая при этом парадокс, понятный каждому художнику слова.
- Если посмотреть в словаре эти четыре слова, то получится глупое, плоское и ничего не выражающее английское предложение: "I remember a wonderful moment"».

А что ВЫ думаете?

